

24.10.2000

Веч. кин. - 2000 - 27 окт. - 46

МОЛЬЕР В КОРОБОЧКЕ

«Мнимый больной, или Молчание Мольера», реж. Артюр Нозисьель.
Гастроли на сцене Московского ТЮЗа.

У каждого драматурга есть своя «коробочка», и этот секрет профессионального мастера раскрыл когда-то Михаил Булгаков. В маленькой, невидимой глазу коробочке ходят люди, ведут друг с другом разнообразные беседы, а драматург — только знай записывает себе за ними.

Еще Михаил Булгаков написал пьесу «Кабала святош» — о последних трудах и днях господина де Мольера и о смерти, принятой им сразу после представления его последней комедии «Мнимый больной».

В спектакле Артюра Нозисьеля агония Жана-Батиста Поклена совершается непосредственно среди зрителей в течение двух с половиной часов. За этот промежуток времени он, восседающий на небольшом возвышении посреди зала, успевает многое — подглядеть в «коробочку» за своими актерами, которые разыгрывают «Мнимого больного», подать им какие-то реплики и монологи за мнимого больного Аргана, проститься со своей дочерью и даже послать телефонный привет нашему Булгакову («Алё! Бульгакефф?!»).

Коробочка на сцене очень скоро приходит в негодность, ломаясь прямо на наших глазах, а вместе с ней режиссер решительно ломает к чертовой матери и

всю эту комедию о глупом господине Аргане, который столько лет лечился зря, о его дочери, влюбленной в прекрасного юношу, и об умной служанке, помогающей любовникам. «Мнимый больной» — удивительно смешная комедия, но зрителям становится не до смеха довольно быстро. Каково смеяться, когда прямо рядом с тобой постановляет и покрывает человек, бесповоротно готовясь отдать концы?

«Они оставили меня умирать одного!» — вскрикивает великий драматург. В зале же в это время назревает простотаки революционная ситуация: смеяться зрители не могут, а плакать не хотят.

С усилием плывя против течения мольеровской комедии, режиссер призывает на помощь странный текст современного итальянского автора Джованни Маккиа. Он написан от лица дочери Мольера, которой было семь лет, когда умер папа. В расчете на нее была написана одна из сцен в «Мнимом больном», но девочка играть отказалась. После смерти отца она, согласно «Молчанию Мольера», всю жизнь проигрывала эту сцену в своем воображении и была более похожа на мольеровского персонажа, нежели на живого человека.

Контрапунктный текст, в котором, надо полагать, воплотилась вся концеп-

ция этого спектакля, режиссер поручил русской актрисе Елене Руфановой (той самой, что сыграла недавно Еву Браун в «Молохе» у Сокурова). Объяснив нам на русском языке, но в довольно напыщенной французской манере замысел режиссера, актриса спускается в зал. «Папа!» — обращается она к Мольеру. «Ma fille!» — нежно отвечает ей папа.

В тот день и час, когда в зале Московского ТЮЗа умирал Мольер из Франции, тут же, на Малой сцене, шел спектакль Камы Гинкаса «Пушкин. Дуэль. Смерть». Говорится в нем, в сущности, о том же, что и в спектакле Артюра Нозисьеля — о последних днях и часах гения. Самого Пушкина в гинкасовском спектакле никто не играет, но с помощью особого театрального чудотворства режиссер создает в какой-то миг иллюзию присутствия живого, не убитого в то морозное январское утро Пушкина.

В гастрольном спектакле Артюра Нозисьеля, где так долго бок о бок с нами агонизирует Мольер, есть много интересного и поучительного для всех исследователей творчества великого комедиографа. Нет только самого Мольера, нечаянно убитого режиссерской волей.

Глеб СИТКОВСКИЙ

Фото Михаила ГИТЕРМАНА

Мольер

08/11